

Серия ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА

ИНДИГИРКА

КРУШЕНИЕ У ХОККАЙДО

Татьяна Булгакова

Индигирка.

Крушение у Хоккайдо

<https://litres.ru/74490763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Декабрь 1939 года. Среди ночи в дверь японского рыбака стучат пятеро промокших русских. Они не знают языка и повторяют только одно слово: «Индигирка».

Недалеко от берега лежит на боку советский пароход. Внутри — сотни людей. Алексей Лазарев только что получил свободу и едет домой. Анна везёт шестилетнего Петю к новой жизни. Молодой матрос Павел Орлов уверен, что на судне всё должно подчиняться порядку. Но снежный шторм у Хоккайдо превращает обычный рейс в борьбу за выживание.

Берег рядом. Однако для тех, кто оказался внутри перевёрнутого корпуса, спасение зависит от того, успеют ли их найти.

«Индигирка. Крушение у Хоккайдо» — исторический роман о реальной катастрофе декабря 1939 года, созданный на основе архивных документов, свидетельств и материалов, сохранившихся в России и Японии.

Содержание

Глава 1. Стук	4
Глава 2. Бумага	9
Глава 3. Петя	17
Глава 4. Две шлюпки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Булгакова

Индигирка.

Крушение у Хоккайдо

Глава 1. Стук

12 декабря 1939 года

Хама-Онисибэцу, Хоккайдо

Около 02:30

Первый удар потерялся в ветре.

Ночь и без того была в дом всем, чем могла: снегом, ледяной крупой, порывами с моря. Стены отзывались сухим треском, ставни дрожали. Второй удар тоже потерялся среди этого шума.

Потом в ставни ударили три раза подряд, с короткими ровными паузами.

Ками Гэнъитиро подошёл к ставням.

Снаружи что-то кричали — голос был человеческий, но слова ветер разрывал раньше, чем они достигали дома. Крик повторился; вслед за ним — торопливый, беспорядочный стук.

Ками открыл ставни.

В дом вместе со снегом ворвался холод.

Снаружи стояли пятеро незнакомцев.

Никто из них не был японцем. Одежда промокла насквозь и потемнела от воды, на рукавах и воротниках схватился лёд. Они держались тесно, почти плечом к плечу, поддерживая друг друга.

Один заговорил. Речь была чужой; Ками не разобрал ни одного слова.

Мужчина обернулся и показал рукой за спину — туда, где за домами темнело море.

Ками посмотрел в указанную сторону. Снег летел почти горизонтально; белая мгла начиналась в нескольких шагах и сразу поглощала всё остальное.

Мужчина попробовал ещё раз — медленнее, разделяя слова. Ками покачал головой.

Тогда мужчина схватил его за рукав, удержал на месте и показал на море.

Другой поднял обе руки и широко развёл их в стороны. Первый наклонил ладонь набок.

Ками уловил только общий смысл: что-то большое накрепилось там, в море.

Он перевёл взгляд с одного лица на другое. Все пятеро были мокрые и пришли со стороны моря.

Мужчина замолчал; за ставнями снова стало слышно ветер.

Наконец он произнёс:
— Индигирка.

Ками не ответил.

— Ин-ди-гир-ка.

Мужчина показал себе за плечо — туда, в море.

Остальные заговорили одновременно. Один показывал назад, другой — на пятерых, затем обратно. Третий широко раскинул руки. Слова оставались непонятными; раз за разом кто-то указывал в сторону моря.

По жестам выходило одно: там, в море, оставались другие.

Ками отошёл от окна и открыл дверь. Пятеро вошли, и на полу под ними почти сразу появилась вода.

Один держал руки перед собой, но пальцы дрожали так сильно, что он не мог сложить их вместе. Другой обхватил себя за плечи. Третий всё время смотрел на дверь и на ту сторону, откуда они пришли.

От них пахло морской водой, мокрой шерстью и сыростью.

Новый порыв ударил в ставни. Пятеро вздрогнули почти одновременно.

Один быстро что-то сказал товарищу. В ответ прозвучало уже знакомое слово:

— Индигирка.

Первый мужчина подошёл к двери. Ками открыл её, и ветер немедленно швырнул внутрь снег.

Мужчина шагнул наружу и вытянул руку в темноту. Ками встал рядом.

Море находилось совсем недалеко, но этой ночью его не

было видно. Доносился низкий, тяжёлый шум. В обычную погоду здесь различались бы берег, вода, тёмная линия горизонта; сейчас всё слилось в одну движущуюся черно-белую стену.

Мужчина не опускал руки. Он показывал в одно и то же место, не меняя направления, даже когда снег закрывал всё вокруг.

Он поднял пять пальцев, опустил руку и показал назад, в море. Развёл руки шире, словно тех, кто остался там, было много.

После этого выпрямил ладонь и резко наклонил её набок.

Он всмотрелся в темноту. Ветер на мгновение изменился, снег отступил на несколько шагов, показалась чернота — и сразу исчезла.

Ни огня, ни корабля — ничего, что объясняло бы появление этих пятерых.

Мужчина повернулся к нему.

— Индигирка.

И указал в море.

Ками закрыл дверь.

Пятеро остались в доме, оставляя на полу мокрые следы. Они продолжали говорить, показывали руками, повторяли одно и то же название. Жесты и это слово говорили хотя бы об одном: эти люди пришли с моря, и там остались другие.

За ставнями глухо ударил ветер.

Один из пятерых всё ещё смотрел на дверь.

— Индигирка, — повторил он.

Глава 2. Бумага

7 декабря 1939 года

Нагаево

Бумага утверждала, что Алексей Лазарев свободен.

Утром он перечитал её в третий раз, хотя в буквах не сомневался: фамилия была его, имя — его, год рождения тоже. Всё относилось к человеку, которым он последние годы был по бумагам и которым с этого дня вроде бы больше не был.

Свободен.

Слово нигде не стояло отдельно и крупно. Алексей всё равно находил его между строк.

Он сложил документ вчетверо, убрал во внутренний карман, через несколько шагов машинально проверил, на месте ли он, и только тогда продолжил идти.

У причала в Нагаеве былолюдно.

На обычной пристани перед рейсом кто-то прощается, кто-то спорит из-за багажа, кто-то боится опоздать. Здесь почти никто не прощался: люди прибывали группами, спрашивали, куда им встать, и переходили от одного указания к другому.

Кто-то держал у ног узел, кто-то — деревянный чемодан, перевязанный верёвкой. У некоторых не было ничего, кроме того, что было надето. Мужчины курили, прикрывая огонёк ладонью от ветра; женщины жались к стенам складов,

где меньше продувало.

Над всем этим стоял портовый гул: команды, скрип, удары металла, тяжёлое дыхание машин, голоса со стороны воды.

— Освобождённые — сюда!

Толпа качнулась не вся — только часть. Алексей двинулся вместе с ней и привычно выбрал середину: не первым и не последним. Лишь через несколько шагов понял, что по-прежнему действует по старым правилам.

Рядом шагал низкий седой мужчина в слишком большой телогрейке. Он нёс мешок на плече и каждые несколько шагов перекладывал его с одной стороны на другую.

— На «Индиگیرку»? — спросил он. — Билет дали?

— Говорят, на неё. Билета нет.

Седой усмехнулся.

— Значит, одинаково едем.

— Здесь это обычно выясняется в последнюю очередь.

Впереди спорили, склонившись над папкой со списками: фамилий не хватало, людей уже вели к посадке, и очередь двигалась рывками.

Слева провели другую группу. Там шли плотнее, по обе стороны шли вооружённые люди.

Алексей не повернул голову — только скосил взгляд.

Тех вели. Его — нет.

Если бы не охрана, обе группы выглядели почти одинаково. Алексей всё ещё ждал привычного окрика — где стоять, куда не заходить, когда двигаться дальше, — и с удивлением

замечал, что никто к нему не обращается.

Седой мужчина с мешком оказался рядом и сел прямо на свой багаж, осторожно развязывая верёвку.

— Всё проверяешь? — спросил Алексей.

— Хлеб. Хочу убедиться, что не украли по дороге.

— Украли?

— Нет. Теперь можно есть спокойно.

В мешке действительно лежали половина буханки, кружка, свёрнутое одеяло и пара портянок. Седой посмотрел на своё имущество и усмехнулся.

— Богач.

— Куда потом? — спросил седой.

— Через Владивосток.

— Это я понял. А потом?

Алексей помедлил. Он знал только направление, не место.

— На запад.

— Большой запад.

— Другого пока нет.

Седой не уточнил. Сам сказал, что во Владивостоке сначала проверит старый адрес: если там никого, поедет дальше.

Алексей подумал о собственном адресе. Он знал улицу, номер дома, даже помнил трещину на подоконнике. Но не знал, имеет ли право мысленно называть это место своим.

В бумаге об освобождении такого пункта не было.

К столу снова вызвали несколько фамилий. Седой поднялся, но через минуту вернулся: ошиблись списком.

— Свобода, — сказал он. — Можно самому ходить туда-сюда по чужой ошибке.

Алексей усмехнулся.

Пока ждали, Алексей по привычке запоминал лица и чужие разговоры. Теперь никто не запрещал спросить, куда едет сосед и кто его ждёт, но он всё равно молчал.

Седой достал хлеб, отломил маленький кусок и протянул Алексею.

— Не надо.

— Я не милостыню даю. Мне одному сухой идёт хуже.

Алексей взял.

Хлеб был чёрствый, но настоящий. Алексей ел медленно и смотрел на порт. До Владивостока оставалось несколько дней, а что будет завтра утром, он впервые за долгое время не знал.

— У меня тоже всё просто, — сказал мужчина. — Доеду до материка, попробую снова столяром устроиться. А там посмотрю, кому я ещё нужен.

— Семья?

— Варвара и сын. Если ещё ждут. Письма давно перестали приходить.

Он сказал это ровно и затянул мешок. Алексей не спрашивал.

— На корабле разберутся, — произнёс кто-то неподалёку. Седой фыркнул.

— Вот этого я и боюсь.

Алексей улыбнулся. Мужчина протянул ему руку.

— Я Фёдор. Если на судне опять поставят рядом — хоть имя знать будем.

Фёдор быстро пожал ему руку и снова подтянул к себе мешок.

Когда у стола снова начали выкрикивать фамилии, люди поднялись почти одновременно. Алексей пошёл вместе со всеми и лишь через несколько шагов заметил, что Фёдор остался: его список ещё не дошёл.

У воды ветер стал сильнее. За складами открылся серый порт, а затем по частям — мачты, труба, тёмный борт «Индигирки».

Если корабль должен был увезти человека домой, Алексей представлял его иначе. Перед ним было рабочее судно: сталь, груз, люди вокруг.

— Не стой!

Мимо протащили что-то тяжёлое. Рабочие ругались, один поскользнулся, выправился и даже не поднял головы.

У трапа всё снова упиралось в списки и бумаги. Людей торопили, но каждый новый документ задерживал очередь.

Наконец Алексей подошёл к столу.

— Документ.

Он подал бумагу. Рука сама разгладила сгиб перед тем, как отпустить лист.

Человек за столом пробежал текст глазами и вернул.

— Дальше.

Алексей не двинулся.

— А записать?

Человек за столом поднял глаза.

— Куда?

— В список.

Человек подтянул к себе несколько листов.

— Фамилия?

Вопрос был обыкновенный, а ответ задержался. Его спрашивали не статью и не категорию — просто фамилию.

— Лазарев.

Карандаш закрипел по бумаге.

— Всё. Проходи.

— А билет и место?

— Освобождённый? Тогда проходи. Место на судне скажут.

Сзади уже ждали, и Алексей отступил.

Бумага снова лежала во внутреннем кармане. Билета не было, места не было, но теперь он считался пассажиром. Наверное.

До трапа оставалось несколько десятков шагов.

На середине пути он остановился. Впервые за много лет рядом не было человека, который велел бы ему сделать следующий шаг.

Алексей посмотрел назад. Освобождённые смешивались с рабочими. В стороне оставалась группа под охраной. Между мужчинами мелькнула женщина в платке; рядом кто-то вёл

ребёнка за руку.

На мгновение Алексею показалось, что здесь все оказались не там, где должны были быть.

Он подумал о доме — пока не о комнате и не о конкретной двери, только о самом направлении.

Домой.

Больше сейчас ему ничего не требовалось.

У трапа фамилию спросили снова.

Алексей назвал её. Человек с карандашом пробежал глазами по строке и махнул рукой:

— Дальше.

Алексей уже сделал шаг, но оглянулся на лист.

В списке фамилия была написана неправильно: «Лазарьев». Алексей вернулся к столу.

— Здесь ошибка. Фамилия — Лазарев, без мягкого знака.

— Потом исправят.

— Кто?

Сзади недовольно загудели.

Человек с карандашом зачеркнул мягкий знак так, что строка стала ещё менее разборчивой.

— Всё. Теперь правильно. Проходи, Лазарев.

Алексей поднялся на первую ступень трапа, потом на вторую. Под ногами глухо отозвался металл.

На третьей ступени он сунул руку во внутренний карман и нащупал сложенную вчетверо бумагу, где его фамилия была написана правильно. Алексей поднялся выше.

Внизу уже спрашивали следующего:

— Фамилия?

Глава 3. Петя

7 декабря 1939 года

Нагаево

Анна поняла, что Петя устал, когда он перестал задавать вопросы.

До этого вопросы шли один за другим.

— А корабль большой?

— Большой.

— Больше дома? И качается?

— Намного. Про качку узнаем, когда пойдём.

Он шёл рядом, держась за край её пальто, и всё время по-смастривал туда, где за людьми, ящиками и портовыми по-стройками иногда показывались мачты.

Когда вопросы закончились, стало хуже.

— Замёрз?

Петя покачал головой. Губы у него были бледные.

— Руки покажи.

— Тёплые же.

Он нехотя вытащил ладони из карманов. Варезки были сухими. Анна сжала его пальцы через шерсть.

Пока Петя грел руки, Анна прикидывала, где встать и с кем держаться. С сезонной работы осталась привычка быстро замечать, кто умеет делать дело, а кто только спорит.

Рядом стояла женщина примерно её возраста с девочкой

постарше Пети. У женщины был мягкий узел, у девочки — жестяная коробка, которую она прижимала к животу так серьёзно, будто там лежали документы всего семейства.

— Тяжёлая? — спросила Анна, кивнув на коробку.

Девочка покачала головой.

— Там нитки.

Женщина улыбнулась.

— Это Лидя. А я Мария.

— Анна. Это Петя.

Увидев Лиду, Петя сразу спрятал руки обратно в карманы.

— Мы на материк, — сказала Мария. — А вы?

— Туда же.

На самом деле «туда же» для Анны было слишком широким ответом. Ей хотелось выбраться туда, где можно будет найти постоянную работу, снять свой угол и не собираться заново после каждого сезона. В какой город — она ещё не решила. Главное, чтобы Пете не приходилось снова привыкать к новому месту.

Мария сама рассказала, что едет к сестре и уже знает адрес. Анна слушала внимательно и невольно запоминала, как точно у Марии всё было разложено: станция, улица, комната, прачечная, в которой, возможно, найдётся работа.

— А у вас кто?

Анна покачала головой.

— Пока никого.

— Значит, сами выберете.

Анне понравились слова «сами выберете». До этой минуты ей всё больше казалось, что выбирать придётся только из того, что подвернётся.

Петя тем временем уже рассматривал Лидину коробку. Девочка показала ему клубки ниток и маленький деревянный напёрсток, который везла тётке.

— Это не напёрсток, — сказал Петя.

— Напёрсток.

— Он деревянный.

— И что?

Анна с Марией переглянулись; Петя снова потянулся к коробке.

Мария достала из узла маленькую лепёшку и разломилась на четыре части. Одну протянула Пете. Анна сначала хотела отказаться, потом увидела, что Мария уже ест свою.

— Берите, — сказала Мария. — Ребёнку нужнее.

Анна взяла и поблагодарила.

Петя съел свою четверть слишком быстро; Лида жевала медленнее Пети. Вскоре они опять спорили о коробке с нитками.

Анна слушала детей и впервые за утро подумала не о посадке. На материке у Пети должны быть свои ребята во дворе — такие, с которыми играют до темноты.

Она строила планы о работе, жилье и деньгах, а сильнее всего вдруг захотела для сына обычного вечера: грязных валенок у двери, чужого мяча под кроватью и необходимости

несколько раз повторить, что пора ужинать.

Пока же им нужно было дожидаться посадки и тепла.

Анна ничего этого Марии не сказала. Но рядом оказался человек, которому тоже нужно было не просто уехать, а потом где-то жить.

— Терпи немного.

— Я терплю, — сказал Петя.

Это «немного» тянулось уже второй час. Их несколько раз переставляли от одного склада к другому, и порядок менялся быстрее, чем Анна успевала его понять.

Она держала Петю одной рукой, другой — старый чемодан со всем, что решила взять на материк: одеждой, письмами, фотографией и едой. Чемодан оттягивал руку так, будто внутри лежало гораздо больше.

— Мама, я понесу.

— Чемодан?

Петя кивнул.

— Ты себя донеси.

Петя нахмурился, но край её пальто не отпустил.

Ветер гулял между строениями, подхватывал снег с земли и швырял в лица. Со стороны причала пахло углём, сырой древесиной и морем.

Анна знала запах рыбы лучше, чем запах моря. Рыба означала склад, соль и мокрые рукавицы. Морской ветер сейчас означал другое: они уезжали.

Накануне Анна несколько раз вынимала из чемодана тём-

но-синее платье, освобождая место для Петиной рубашки или еды, и каждый раз складывала обратно. На рыбном складе оно было почти бесполезно; на материке она хотела однажды надеть его в день, когда не нужно идти на смену.

Где они будут жить через месяц, Анна не знала. Работу она найдёт; главное — школа для Пети. А потом, если получится, швейная машинка и комната, где можно закрыть дверь.

— Женщины с детьми! Сюда!

Толпа сразу пришла в движение. Анна подхватила чемодан.

— Петя. За мной.

Когда несколько потоков сошлись к причалу, стало тесно. В стороне от семей и рабочих двигалась плотная группа под вооружённой охраной.

Петя заметил охрану сразу.

— Мама, а почему у них ружья?

Анна не посмотрела туда.

— Потому что им так положено.

— А нам?

— Нам нет. И ты от меня ни на шаг. Понял?

Он кивнул.

— Скажи, что понял.

— Понял.

У причала стало теснее, и «Индигирка» наконец открылась целиком.

Петя остановился.

— Ого.

Анна тоже подняла голову.

Она видела пароходы и раньше, но всегда с берега, как часть порта. Теперь им с Петей предстояло подняться на этот тёмный борт.

Судно выглядело огромным и совсем не пассажирским.

Вместо рядов окон и чистых палуб — грузовые люки, крапы, канаты, лебёдки, грязный от работы металл. Ящики и мешки поднимали туда же, куда направляли людей.

— Это наш? Мы на нём поедём?

— Да.

Он улыбнулся. Анна — нет.

До трапа они добрались быстрее, чем она ожидала. Документы посмотрели дважды, фамилию спросили трижды. Анна пыталась выяснить, куда разместят женщин с детьми, но каждый отвечал одинаково:

— На судне разберутся.

Трап качнулся под чужими шагами.

Петя тихо засмеялся.

— Качается.

— Держись за поручень.

Он послушался, а через секунду уже обернулся к порту.

— Петя.

— Я держусь.

На палубе людей сразу гнали дальше, освобождая про-

ход. Анна успела увидеть воду между бортом и причалом, тяжёлые канаты и открытый люк, прежде чем их направили внутрь.

Ниже стало тесно и темно. В грузовом пространстве людей размещали там, где удавалось выкроить место; багаж уже сужал проходы.

На вопрос, где лечь с ребёнком, матрос только ответил: «Здесь тоже. Размещайтесь, где найдёте место», — и ушёл.

Анна оглядела низкий потолок, тёмный металл и чужие вещи. Места для ребёнка пока не было.

— Мам.

— Сейчас.

Вдоль стены нашёлся промежуток между чужими вещами. Анна поставила туда чемодан; мужчина рядом только пожал плечами.

Петя сел на чемодан. Анна встала перед ним так, чтобы проходящие не задевали Петю ногами, и впервые спокойно огляделась.

Он сидел почти в проходе; в темноте его легко мог задеть человек с мешком или ящиком.

Лестница была узкой, основной проход уже заставляли вещами. Анна подвинула чемодан ближе к стене и решила пока не выпускать сына из рук.

— Ты чего смотришь? — спросил Петя.

— Ничего.

— Ты всегда так смотришь, когда тебе что-то не нравится.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю.

Рядом с грохотом уронили ящик. Петя вздрогнул и тут же сделал вид, что ничего не произошло.

Анна положила руку ему на плечо.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Значит, хочешь.

Анна достала хлеб. Пока Петя ел, рядом устроились ещё люди, а чей-то мешок снова полез в их пространство.

— Осторожно, ребёнок.

— Вижу.

— Тогда не ставьте сюда.

Мужчина оглянулся на забитый проход и молча подтянул мешок к себе.

Петя жевал хлеб и рассматривал людей.

— Тут все с нами поедут? Их очень много.

— Похоже, все.

Петя помолчал.

— А корабль выдержит?

Анна ответила не сразу.

— Выдержит.

Петя снова откусил хлеб и больше про корабль не спрашивал.

Людей прибавлялось, и всё вокруг — места, вещи, распоряжения — оставалось временным.

Петя доел, наклонился к ней и спросил:

— Мам, а где наша каюта?

Люди всё прибывали.

Анна не знала, были ли здесь вообще каюты для таких, как они, куда их ещё могут перевести и где Петя будет спать этой ночью.

Но он ждал.

Анна улыбнулась ему.

— Сейчас найдём.

Глава 4. Две шлюпки

Ночь с 7 на 8 декабря 1939 года

«Индигирка», Нагаево

Павел Орлов заканчивал вечерний обход у правой шлюпки.

Замечаний не было. Боцман всё равно велел ещё раз пройти палубу после погрузки: люди и багаж постоянно оказывались там, где минуту назад было свободно.

— Раз руки чешутся работать — работай.

Павел принял это почти за похвалу.

Он поднялся на банку, провёл ладонью по холодному борту и ещё раз осмотрел всё, что можно было увидеть при тусклом палубном свете. Ничего необычного: всё на месте, всё закреплено, всё так, как должно быть перед выходом.

На судне Павел почти всегда понимал, что делать. Если сам не знал — смотрел на старшего; если знал — делал. У вещей было своё место, у людей — своя работа.

На берегу этот порядок пропадал.

От причала доносились крики, скрип тележек и тяжёлый гул порта. Людей вели к судну партиями: мужчины с узлами, женщины с детьми, рабочие, освобождённые, люди под охраной.

Стоя у шлюпки, Павел впервые увидел поток целиком: часть ещё ждала на причале, часть уже исчезала внутри суд-

на.

— Готово? — спросил боцман.

— Готово.

— Тогда не любуйся. На корму сходи, там мешки опять в проход поставили.

Павел сделал несколько шагов, задержал взгляд на людях у трапа и пошёл на корму.

На корме Павел снова освобождал проходы от багажа. Стоило оттащить один мешок, как на его место появлялся другой.

— Здесь не оставлять.

— А где?

— Не знаю. Но здесь не оставлять.

Но, проходя через палубу, Павел всё равно отмечал, не загромождены ли проходы рядом со шлюпками.

Правую он знал до последней потёртости; левая стояла по другую сторону надстройки. Раньше Павел вообще не думал о шлюпках отдельно — они были такой же частью судна, как якорь или канаты.

Старший матрос протянул Павлу конец каната.

— Подбери.

Павел принял конец. Дальше руки сами сделали привычное: завести петлю, натянуть, проверить, не мешает ли проходу.

— Много набрали, — сказал он, стараясь, чтобы прозвучало между прочим.

— Не твоя забота.

Павел промолчал.

Старший потянул канат, проверил.

— Орлов, за всем судном один не уследишь. Сказали проходы — смотри за проходами.

— Понял.

Павел кивнул. Спорить было не с чем: полезешь во всё сразу — обязательно прозеваешь то, за чем послали.

Павлу было двадцать три, и больше всего он хотел, чтобы старшие перестали видеть в нём парня, которому надо дважды повторять очевидное.

Поэтому, проходя мимо, он ещё раз проверил проход и дёрнул ближайшее крепление.

Боцман заметил.

— Опять мешки?

— Убрал.

— Молодец.

Павел улыбнулся.

На корме его догнал Миша Круглов, матрос на три года старше. Они пришли в экипаж почти одновременно, но Миша говорил так, будто служил здесь половину жизни.

— Орлов, тебя боцман сегодня хвалил?

— Было.

— Тогда держись. Завтра на тебя повесят ещё две работы.

— Лучше две работы, чем ни одной.

Миша прищурился.

— Вот поэтому тебя и хвалят. Ты сам себе наказание находишь.

Они вместе оттащили мешок из прохода.

Миша пожал плечами так, будто всё, что решали капитан, штурман или боцман, его не касалось. Павел иногда ему завидовал.

— Я весной на курсы хочу, — сказал Павел.

Миша перестал улыбаться.

— На старшего?

— Если возьмут.

— Вот почему ты такой правильный.

— Не поэтому.

Миша улыбнулся и толкнул его плечом.

Объяснять Павел не собирался. Ему хотелось однажды самому отдавать команды и отвечать за результат: канат натянут, груз не ходит, проход свободен.

Дома такого чувства почти не бывало. На троих братьев была одна кровать, отец мог исчезнуть на неделю в море, а мать заранее не знала, хватит ли денег к концу месяца. На судне хотя бы находилось дело, которое можно довести до конца.

Мише Павел рассказывал только половину, остальное держал при себе: не считал это чем-то, о чём стоит говорить.

— После Владивостока что? — спросил Миша.

— Обратно.

— Даже погулять не останешься?

— Если дадут увольнение — останусь.

— Вот. Уже человек.

Павел усмехнулся.

— Ты сам чего хочешь?

— Выспаться. Потом жениться на богатой. Лучше в таком порядке.

— Богатая тебя не возьмёт.

— Значит, придётся выспаться дольше.

Они засмеялись. Боцман обернулся на звук, и оба сразу сделали вид, что заняты креплением.

Мишу отправили к носу. Павел остался один и ненадолго перестал следить за потоком у трапа.

Позже у камбуза Миша спросил, написал ли Павел матери. Дома письма читали вслух, а младший брат потом расспрашивал про волны, китов и настоящий компас.

После Владивостока Павел хотел привезти ему что-нибудь настоящее с судна — старый свисток или ненужный конец линя, если разрешат.

Боцман крикнул с палубы, и перерыв закончился. Павел поставил пустую миску и побежал наверх.

После перерыва Павел вернулся к креплениям и проходам. Работа не кончалась, но это его устраивало.

С причала донёсся детский голос. Павел не разобрал слов, только интонацию — ребёнок чему-то удивился.

На трап поднималась женщина с мальчиком. Мальчик держался за поручень и всё равно успевал смотреть по сто-

ронам. Женщина сказала ему что-то негромко, и он сразу перестал глазеть вокруг.

Следующая группа закрыла женщину с мальчиком. Павла окликнули от креплений, и он вернулся к работе.

Ближе к полуночи Павел ещё раз прошёл по палубе, проверяя, не появилось ли нового багажа в проходах. Погрузка почти закончилась, голоса у трапа редели, и впервые можно было услышать воду у борта.

У кормы он дёрнул одно из креплений и пошёл дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.